

К. В. Мочульский

•
Великие
русские
писатели
XIX века
•

Константин Васильевич Мочульский
Великие русские
писатели XIX века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51915455

Великие русские писатели XIX века:

ISBN 978-5-89329-189-6

Содержание

Предисловие	4
Введение	11
Пушкин	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мочульский К. В. Великие русские писатели XIX века

Предисловие

Долгой и разной может быть память о родине на чужбине. Когда в 1492 году евреи были изгнаны из Испании королем Фердинандом V Католиком и его супругой Изабеллой II, большинство из них навсегда осело в Салониках. Но, как гласит история¹, они долгое время сохраняли и передавали из поколения в поколение ключи от своих родных домов, конфискованных в Испании, не теряя надежды когда-нибудь туда вернуться. Для тех русских, которые покинули Россию после революции 1917 года, таким ключом, бережно хранимым, стала русская литература. Любовь к литературе оставленной родины была для них защитой и сохранением своего национального характера. Быть русским в эмигрантской среде означало почитать и знать литературу и культуру своей родной земли.

Книга К. В. Мочульского «Великие русские писатели XIX века» проникнута этой национальной чертой. Точнее даже,

¹ См.: А. Molho. Tra Oriente e Occidente. Storia. 1990, № 37.

она придумана и написана, По признанию самих издателей, с целью воспитать русскую молодежь, рожденную в эмиграции, на которой лежала миссия – сохранить память о великой русской культуре, чтобы она была причастна к ней. Конечно, эту обязанность могла выполнить только русская молодежь. Но чтобы войти в ее состав, недостаточно было родиться русским, необходимо было знать и любить культуру (и литературу как ее часть) своей далекой родины.

Константин Васильевич Мочульский родился в 1892 году в Одессе. В 1910 году он окончил романогерманское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1917 года – приват-доцент на кафедре романской филологии. Научную деятельность начал с филологических докладов в различных кружках и обществах, напечатал в ряде журналов небольшие статьи и рецензии. В 1919 году он эмигрировал и до конца своих дней жил и работал на чужбине. Вначале он читал лекции в Софийском университете, а с 1922 года – на русском отделении Парижского университета. Поселившись во Франции, принимал активное участие в интеллектуальной жизни русских эмигрантов и часто печатал свои статьи в русских литературных журналах. Во время оккупации Парижа К. Мочульского преследовало гестапо как одного из руководителей христианско-демократического объединения «Православное дело», созданного в 1935 году.

Мочульский получил известность после публикации сво-

ей книги «Духовный путь Гоголя» (Париж, 1934), за которой последовали другие фундаментальные работы о русских писателях, изданные в Париже: «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (1936), «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947) и уже после смерти автора в 1948 году вышла незавершенная трилогия о русских символистах: «Александр Блок» (1948), «Андрей Белый» (1955) и «Валерий Брюсов» (1962). Он принимал участие в создании книги М. А. Гофмана «История русской литературы» на французском языке (1934), для которой написал главы о Сумарокове, Фонвизине, Грибоедове, Гоголе, Островском и Чехове.

Книга К. В. Мочульского «Великие русские писатели XIX века» (Париж, 1939) занимает особое место в его наследии. Как и все вышеупомянутые работы, она демонстрирует огромную эрудицию автора, тонкость и глубину его наблюдений. Но именно в ней наиболее полно выразился духовный мир автора, раскрылось его нарастающее влечение к проблемам христианского религиозного мировоззрения. Начало этому процессу было доложено в 1920-х годах, когда в сознании Мочульского произошел глубокий духовный кризис, который изменил его взгляды на жизнь. Он оставил позу эстета, отличавшую его в довоенном Петербурге, перестал появляться на шумных вечерах «русского Парижа» и стал ходить – как вспоминает знавший его писатель Б. Зайцев – «в церковь на улице Лурмель, где он читал в стихаре Часы и

Шестопсалмие»². Он сблизился с отцом С. Булгаковым, которому посвятил «с сыновней любовью» свою книгу о Соловьеве, сотрудничал с матерью Марией в уже упомянутом объединении «Православное дело», посещал собрания Религиозно-философской академии, основанной Н. А. Бердяевым, где прочитал цикл лекций о западном христианском мистицизме. В своих воспоминаниях Б. Зайцев добавляет: «если (он) не монах, то на пути к тому»³.

Присутствие глубокого христианского мировоззрения все более ощущается в его исследованиях, а в книге «Великие русские писатели XIX века» оно становится основой подхода. Мочульский рассматривает произведения пяти авторов (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и Толстой) в связи со своими христианскими воззрениями. Не скрывая тенденциозности исследования, он ясно заявляет свои намерения в предисловии: «Русская литература идет по следам Христа». Таким образом, он открыто объявляет читателю цель своего исследования – поиск христианской религиозности у авторов, к которым он обратился.

С приведенными в книге суждениями и выводами по этой проблеме, несомненно, можно согласиться не всегда⁴. Так,

² Б. Зайцев. Дух голубиный. К. Мочульский. Андрей Белый. Париж, 1955. С. 7.

³ Б. Зайцев. Дух голубиный... С. 7.

⁴ Очеркист П. М. Пильский в своей рецензии на книгу Мочульского, опубликованной в рижской газете «Сегодня» (1939. № 231) под названием «Душа русской литературы», утверждает, что ради этого заключения («русская литература идет по стопам Христа. – К. М.) автор не стремится к одностороннему освещению

можно лишь частично разделить его вывод о том, что Гоголь «поставил вопрос религиозного (а может быть, точнее, мистического. – К. М.) оправдания культуры» или что мировоззрение Достоевского можно назвать «мистическим народничеством». Трудно принять утверждение, что «всегда сердце Пушкина было открыто Богу» – Действительно, по словам Ю. М. Лотмана, «вопрос отношения к христианству встал перед Пушкиным последних лет как все более и более серьезная проблема»⁵, но поэт воспринимал христианство более лично, не с мистической, а с морально-гуманистической стороны. С этой более общей позиции Пушкин видел в нем этап исторического движения, т. е. восприятие христианства было у него глубоко исторично⁶.

В отношении религиозности Л. Н. Толстого в книге Мочульского высказана оценка, в известной мере противоположная общепринятой. Христианство Толстого явно и общеизвестно. В своих произведениях, очерках, дневниках Толстой много писал о нем, оно легло в основу мировоззрения и жизненного поведения писателя. Но Мочульский не признает этого и утверждает, что Толстой не верил в человека, отвергал «несуществующую свободу и свой чисто буддийский фатализм прикрывал туманным понятием Прови-

щению трудов Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского и Толстого». На самом деле позиция Мочульского противоположна изложенной Нильским.

⁵ Ю. М. Лотман. К проблеме «Пушкин и христианство». Русская духовная культура / Под ред. К. Магаротто и А. – Рицци. Тренто, 1992. С. 176.

⁶ Там же. С. 177.

дения». На наш взгляд, Толстой обращается к христианству как к морально – этическому гуманистическому учению, и в этом отношении он близок Пушкину. Но на этой основе Толстой создает свои оригинальные идеи, которые развивает во многих своих произведениях. Мочульский называет их «парадоксальными». В итоге при бесспорной эрудиции, тонкой и глубокой проницательности оценок произведения, творческого пути писателей у Мочульского оказывается сильное влияние православия, которое у него часто выступает орудием литературной критики. Но у русских читателей имеется достаточный опыт чтения идеологизированного литературоведения, чтобы относиться к нему с опаской и отделять «идеологию» от эстетических и философских оценок.

Помимо идей православия в литературно-критической и эстетической позиции Мочульского значительное место занимает понятие «народ», «народность». По утверждению автора, связь с народом и традицией – основное условие творчества для каждого писателя. Как известно, Пушкин говорил, что он учился русскому языку не по произведениям словесности, как все писатели до него, а у московских просвирен и в основу своей прозы положил «простую разговорную речь, живой московский говор». Именно «приближение к народному творчеству и русской величавой старине сделало его национальным поэтом».

В работе Мочульского постоянно присутствует поиск внимания к «народу», «народности» у изучаемых авторов. Но

данный подход присущ не только критике Мочульского. В те же годы известные советские литературоведы поставили связь с «народом», «народность» в центр своих исследований; «народность» явилась одним из критериев определения значительности и величия произведений литературы. Таким образом, на родине и за рубежом русские критики, несмотря на различие мировоззрений, оставались едины в подходе к главному в оценке произведения – определению его места в национальной культуре, его причастности к национальной жизни.

Книга К. Мочульского может вызвать разные мнения, многое в ней далеко не бесспорно. Но присущий ее автору строй мыслей, пронизательность, оригинальность оценок побуждают читателей, где бы они ни находились, любить русскую литературу, изучать и хранить ее в своей памяти как часть великого национального наследия, как «золотой ключ» от родного дома.

Луиджи Магаротто, профессор Венецианского университета

Введение

Девятнадцатый век – эпоха расцвета русской литературы. Она была подготовлена стремительным культурным ростом России после реформ Петра Великого. Блистательное царствование Екатерины поставило перед новой, великодержавной Россией вопрос о создании национального искусства. Среди плеяды екатерининских придворных пиитов возвышается величавая фигура «певца Фелицы» – Державина. Развитие художественного языка и литературных форм происходит в необыкновенно быстром темпе. В 1815 году на лицейском экзамене Пушкин читает стихи в присутствии Державина. В «Евгении Онегине» он вспоминает об этом:

Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя благословил.

Вечерняя заря славной екатерининской эпохи встречается с утренней зарей пушкинского времени. «Солнце русской поэзии», Пушкин стоит еще в зените, когда рождается Толстой. Наши старшие современники лично знали великого яснополянского старца. Так на протяжении одного века рождается русская литература, восходит на вершину художественного развития и завоевывает мировую славу. В одно столетие Россия, пробужденная от долгого сна «могучим гением

Петра», напрягает таившиеся в ней силы и не только нагоняет Европу, но на грани XX века становится властительницей ее дум.

Деятнадцатый век живет в лихорадочном ритме; направления, течения, школы и моды сменяются с головокружительной быстротой; каждое десятилетие имеет свою поэтику, свою идеологию, свой художественный стиль. Сентиментализм десятых годов уступает место романтизму двадцатых и тридцатых; сороковые годы видят рождение русского идеалистического «любомудрия» и славянофильского учения; пятидесятые – появление первых романов Тургенева, Гончарова, Толстого; нигилизм шестидесятых годов сменяется народничеством семидесятых; восьмидесятые годы наполнены славой Толстого, художника и проповедника; в девяностых годах начинается новый расцвет поэзии: эпоха русского символизма.

В начале XIX века Карамзин производит смелую реформу русского литературного языка: он сближает его с живой разговорной речью, разрушая канон классической стилистики Ломоносова. Он вводит ясное и логическое строение фразы по образцу французской прозы. В «Письмах русского путешественника» и в повести «Бедная Лиза» поток слезливой чувствительности и трогательной филантропии вливается в русскую литературу. Умиленно и восторженно доказывает Карамзин, что «и крестьянки чувствовать умеют».

Жуковский продолжает дело Карамзина и создает язык

русской поэзии. «В бореньях с трудностью силач необычайный», он превращает тяжеловесный стих XVIII века в гибкое, послушное и совершенное орудие, в «Эолову арфу», передающую самые неуловимые и смутные мелодии романтической души. Переводя немецкие и английские баллады, сочиняя меланхолические элегии, пересказывая в прелестных стихах «предания старины», народные легенды и сказки, он прививает русской поэзии тоску по идеалу, по «очарованному там», возносит лирику на высоту священнодействия и учит:

Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.

Волшебные песни, полные глухой музыки души, принесенные Жуковским из туманной Германии, становятся яснее и пластичнее, когда их перепевает Батюшков. Поэт, в расцвете сил пораженный безумием, охваченный трагическими предчувствиями и мучительной тревогой, он создает совершенную форму элегии, в которой воскресает красота античной древности и гармония итальянской поэзии. Роскошные звуки и пластическое великолепие стихотворения «Умиравший Тасс» достойны гения автора «Освобожденного Иерусалима».

Крылов стоит в стороне от романтизма Жуковского и итальянизма Батюшкова. Он пишет свои добродушноиронические басни простым, чисто народным складом, чуждым за-

морской книжности. Лукавый, рассудительный и наблюдательный, он всегда верен действительности и здравому смыслу. У него нет полетов фантазии и возвышенных идеалов, но он умеет несколькими точными словами схватить на лету самое движение жизни. Его бас – ни произведения народного творчества, выражение жизненной мудрости и художественного таланта русского народа.

В бессмертной комедии «Горе от ума» Грибоедова перед нами шедевр русского театра. Написанная острыми стихами и построенная по строго классической форме эта комедия изображает борьбу мечтателя Чацкого с пошлым московским обществом. В доме важного чиновника Фамусова, жадного к чинам и деньгам, среди пестрой толпы «светской черни» разыгрывается печальная развязка романа Чацкого с дочерью Фамусова Софьей. Во многом она напоминает разрыв Альцеста с Селименой в «Мизантропе» Мольера. Язык комедии, напряженный, нервный, резко выразительный, изобилует афоризмами, давно перешедшими в половицы. «Горе от ума» продолжает традицию «Недоросля» Фонвизина и открывает путь комедиям Гоголя и Островского.

Подготовительный период кончается. Восходит светило Пушкина, окруженное плеядой спутников. Дельвиг, Веневитинов, Баратынский, Языков, Одоевский, Вяземский, Денис Давыдов – все эти звезды сияют своим чистым и ровным светом; они кажутся нам менее яркими только пото-

му, что их затмевает блеск Пушкина. Появление этого гения невозможно объяснить никакой преемственностью литературных форм. Пушкин – чудо русской литературы, чудо русской истории. На высоте, на которую он возносит русское словесное искусство, все линии развития обрываются. Нельзя продолжать Пушкина, можно только вдохновляться им в поисках иных путей. Школы Пушкин не создает. Лермонтов заканчивает блестящую поэтическую эпоху первой половины века. Он учится у Пушкина и борется с ним, разрушая гармоническое равновесие пушкинского стиха. Возвращаясь к романтическим шаблонам, преодоленным Пушкиным, он создает патетический ораторский стиль, философскую «думу», гневное обличение.

После Лермонтова поэтический поток мелеет, наступает царство повествовательной прозы; в нем затеряны одинокие фигуры нескольких больших поэтов. Некрасов, певец народного горя и гражданской скорби, исторгает из своей суровой музы «песни, подобные стону», оплакивает в унылых, глухопротяжных и надрывных стихах нищую крестьянскую Россию, бездонное море народного горя и народной страды. Тютчев, поэт трагически раздвоенного сознания, одаренный пророческим ясновидением, поет о человеческой душе, бьющейся «на пороге как бы двойного бытия». В текучей музыке его стихов мир теряет свои четкие очертания; звуки, цвета и запахи перекликаются, душа природы говорит своим вещим языком. Его философская мысль облекается в образы-сим-

волы, и они вспыхивают как зарницы, на мгновение освещая страшную бездну хаоса, на которую «покрыв наброшен златотканый». Тютчев – обличитель вещей невидимых, поэт ночи.

Фет – поэт дня; для него блистательный покров природы – риза Божества; в узорах этой ткани вписаны знаки Божьего имени. Поэт с благоговейным восторгом отгадывает их тайный смысл. Символист Тютчев родственен Бодлеру, воздушная музыка Фета сближает его с Верленом. Оба они готовят поэтическое возрождение начала XX века: школу русского символизма.

* * *

Волшебное словесное искусство Гоголя вызывает к жизни целое поколение рассказчиков, бытописателей и романистов. Из гоголевской «натуральной школы» выходят все великие писатели 50–80-х годов. «Мы все вышли из гоголевской „Шинели“», – говорит Достоевский. От «Мертвых душ» идет линия развития романа, победное шествие которого наполняет вторую половину века. В 1846 году появляется первая повесть Достоевского «Бедные люди»; в 1847 году – первый рассказ Тургенева «Хорь и Калиныч», первый роман Гончарова «Обыкновенная история», первое художественное произведение Аксакова «Записки об ужении рыбы», первая большая повесть Григоровича «Антон Горемы-

ка»; в 1852 году Лев Толстой выступает со своим «Детством» и «Отрочеством».

Среди этого блестящего поколения возвышаются великаны – Достоевский и Толстой. За ними идет Тургенев, автор поэтических и правдивых «Записок охотника», глубокий психолог и острый наблюдатель, певец дворянской усадебной России, создавший «лишнего человека» Рудина и нигилиста Базарова. Его романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», его благородно-изящные повести и меланхолические «Стихотворения в прозе» – образцы высокого, законченного мастерства⁷.

Из романов сдержанного и требовательного художника Гончарова «Обломов» занимает первое место. Сытая, праздная и ленивая жизнь помещичьей усадьбы, широкая и гомерически-патриархальная, изображена автором с горьким юмором и стыдящейся любовью. Слово «обломовщина» вошло в обиход русской речи.

Аксаков в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова внука» рисует ту же старую живописную помещичью Россию, тех же крепких и своеобразных людей, дедов и отцов, живших по старине, вросших корнями в родную землю и родной народ. Гончаров обличает и морализирует; Аксаков только описывает то, что было, эпически спокойно и просто-

⁷ Образы самоотверженной и смиренной Лизы Калиотиной в «Дворянском гнезде» и крестьянки-праведницы Луке – и в «Живых мощах» полны сияющей духовной красоты.

душно. Он один из величайших стилистов в русской литературе.

В стороне от широкой дороги стоит несравненный по языку рассказчик Лесков, передающий живую речь духовенства, купечества и ремесленного люда. Его хроника «Соборяне» и рассказы «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» разбивают все литературные шаблоны и обогащают русскую прозу сокровищами народного и диалектического сказа.

На грани XX века вырастает тончайшее искусство Чехова, печально-нежное и аристократически сдержанное. Рассказчик и драматург, он мягкими пастельными красками рисует серые будни, скучных обыкновенных людей, их неясную тоску и бессильные порывы.

* * *

Оглядываясь на пройденный жизненный путь, Пушкин писал:

Я долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Эта оценка применима не только к творчеству Пушкина,

но и ко всей русской литературе. Для нее всегда «чувства добрые», любовь к человеку и искание Божией правды стояли выше культа чистой красоты и стремления к абстрактной истине. Борьба за свободу, общественную и личную, религиозное горение и проповедь сострадания к падшим, «униженным и оскорбленным» всегда вдохновляли русских писателей. Наша литература – самая «жалостливая», самая человечная из всех литератур. Тютчев писал:

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Обходил благословляя.

И русская литература идет по следам Христа.

Пушкин

(1799–1837)

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая 1799 года. Его мать была внучкой «арапа Петра Великого» – Абрама Ганнибала, сына мелкого абиссинского князька. Пушкин унаследовал от своего прадеда «африканский характер», «пылкие страсти», курчавые волосы и толстые губы. Он гордился прозвищем «арапчик» и мечтал пожить «под небом Африки своей». Отец поэта происходил из древнего дворянского рода Пушкиных, которые

...и в войске и в совете
На воеводстве и в ответе
Служили доблестно царям.

Но шестисотлетний род Пушкина захудел и обеднел, и в «Моей родословной» поэт, высоко ценивший свое дворянство, с горькой иронией заявляет:

Родов униженных обломок,
И, слава Богу, не один,
Бояр старинных я потомок:
Я мещанин, я мещанин.

Пушкин чувствовал себя «мещанином-литератором» среди «светской черни», смотревшей на него свысока, и аристократом среди «пишущей братии» разночинцев, которые считали его спесивым дворянчиком. Его положение при дворе было унижительным, в обществе – двусмысленным; ни там, ни здесь не находил он себе места; отсюда его вечное бунтарство и борьба со «светом», кончившаяся его гибелью.

Отец поэта был человеком екатерининского века, легкомысленным, остроумным и холодным. Его библиотека состояла из французских классиков и эротических писателей XVIII столетия, которых Пушкин перечитал в детстве; мать, «прекрасная креолка», капризная и ветреная, предоставила сына французским гувернанткам и гувернерам, которые учили его «чему-нибудь и как-нибудь». Если бы не няня Арина Родионовна, рассказывавшая мальчику русские сказки, он вырос бы настоящим французом. Ребенок Пушкин был «большой увалень и дикарь, кудрявый, с смуглым личиком, не слишком приглядный, но с очень живыми глазами, из которых так искры и сыпались». Лето семья Пушкиных проводила в подмосковном имении Захарове; поэт любил простую русскую деревню, тенистую рощу, спускающуюся к реке, домик на холме, «веселый сад». Одаренный необыкновенной памятью, он на одиннадцатом году знал наизусть всю французскую литературу, читал стихи Дмитриева, Батюшкова и Жуковского и писал шуточные поэмы и пьесы. В 1811 году он поступил в Царскосельский лицей, только что

основанный императором Александром I, и из апатичного и ленивого ребенка превратился в Живого, неутомонного и резвого отрока. Учился он посредственно, но шалостям, выдумкам и проказам его не было конца. Шесть счастливых лет провел он в Лицее, в дружной семье товарищей, в веселых играх, в шумных пирушках и одиноких прогулках в огромном царскосельском парке с томиком Парни в руках. В романе «Евгений Онегин» он вспоминает об этих светлых днях:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни, в таинственных долинах,
Весной при кликах лебединых
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.

Часто после вечерних классов он убежал из Лицея пировать в кругу офицеров гусарского полка, стоявшего в то время в Царском Селе. Здесь он подружился с «лихим повесой» гусаром Кавериним и с блестяще образованным и глубоко-мысленным Чаадаевым. Гвардия, недавно возвратившаяся из заграничных походов, была охвачена «свободолюбивыми мечтами». Многие из близких друзей Пушкина вошли потом в тайные общества и участвовали в декабрьском восстании. Если бы поэт не был сослан в село Михайловское,

он, вероятно, разделил бы горькую участь своих друзей декабристов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.